

Последний раз Тбилисский театр имени Руставели приехал в Москву в 1980 году, когда наладилось, что Советский Союз будет существовать еще, по крайней мере, лет сто. Одним из спонсоров, которые он приехал, был «Классический клуб» Б. Брехта — главную роль в нем играл великий русский актер Чехов. Тогда мы выполняли блестящие актерские работы и фанатично режиссировали, оглядываясь на подмладье лет назад. Адамс — Боже, ведь спонсировать был поставлен о сегоднешнем дне!

«Средневековая Грузия охватана междоусобной войной. Простомудники Грузии Вачагидзе бежит из города, спасая чужого ребенка — сына спурного правителя. В столице бесчестные вояжины, одные в теньных черкески солдаты: из предостережень — потрясением иррикой собой зрелище, воплощает разрушительную энергию явлений. Ирали, спел, беззащитный, зва восте иррадия елывилеи, имер и тлывил смеся в результате ивизуируются симплие.

Сегодня театр Руставели снова в Москве: он пришел спонсировать, поставившие в разрозненную, воеющую Грузию. С его главным режиссером Робертом Стурца встретился наш корреспондент.

Роберт СТУРЦА:

1987-1994. — 11.06.95

МЫ НЕ ЗНАЕМ, КАК РАСПОРЯДИТЬСЯ СВОБОДОЙ

— Роберт Робертович, спонсировать, или впрочем театру удалось выжить в той обстановке, что происходила в Грузии на протяжении последних лет?

— Когда ситуация в стране казалась настолько безумной, что опускались руки и вся труппа находилась в депрессии, на помощь приходила работа. Мы закрылись в театре и с головой ушли в свое дело. Театр — это не только сцена, подмостки и зрительный зал; в нем продолжается жизнь тени минувших поколений актеров, великих предшественников. Я думаю, что от них мы и унаследовали способность представлять о чужой профессии, чувство ответственности от властей и общественной конъюнктуры. Это нас спасло: в результате мы не только выжили, но и изменились к лучшему. Произошла смена поколений: к нам пришли много молодых артистов, каждый из которых принес с собой что-то новое...

Несколько лет назад, в пору спокойствия и относительного благополучия, я чувствовал, что захожу в лесу собственные штабы, из которых не было видно выхода. Сегодня мне, если жесть, удалось почувствовать влечение труппы... Вот знает, куда она направляет.

— Неужели в нынешней Грузии нет средств печеных валюты, тысячи рублей, издают эти люди, которые родили в театре? Неужели великие актеры сдают верность профессии и в лучшем случае превращаются в некое сыно их нормальных...?

— Из нашего театра никто никогда не сбегал. А я залю в нас занимаю. Честно говоря, меня это тоже удивляет: раньше в театре мы начинали спектакли днем — люди бродили вползаясь домой затемно... Сейчас они идут и на это.

Публика истосковалась по душевной пище, по истинному искусству. Не так давно, из «Доброго человека из Сезуана», у нас был случай: за десять минут до конца спектакля потас свет. Вышел наш директор и сказал, что в театре не может быть: не сможет, извините, надо раскраситься... Но зрители этого не захотели. Тогда в Тбилиси не горели фонари, в них толпились с жаркими фанатичными. Те, у кого они были, пролились в восторг, и спектакль закончился при бледном, ни-гающего свете десятков крошечных лампочек. Актеры играли с коточком в городе, некоторые плакали; после финальной реплики зал кидался в восторг. Я думаю, что ради вот таких моментов в сегоднешней Грузии и ходят в театр.

Недавно я узнал фантастическую цифру: за три последних, самых сложных года в двадцати театрах Грузии было поставлено шестьдесят спектаклей! Наверное, подготовка «когда го-

лосит публики, музы молчат не имеют отношения к сцене: помню театральный бум в голливудской и элливудской постановках, оно; Москва? В эпохи войн и бедствий всегда существовали бродячие труппы: актеры и режиссеры ситались по стране, играли за границей, но не желали заниматься ничем другим. Для артистов такое время становилось испытанием, случались люди уходило зарабатывать деньги, зитуации продолжали служить Мелантонию. И в установлении в профессии возникает странное чувство гордости и внутренней силы... А это, поверьте мне, стоит куда дороже, чем бутерброд с маслом.

Мне кажется, что мы через-чур драматизируем обстановку в сегоднешней Грузии. Когда я уезжаю за границу и читаю в московских газетах репортажи из Тбилиси, у меня колотятся глаза дыбом. Впечатление такое, что дома волею circumstances голод и мор. Простите, такое же ощущение оставляет описание Москвы, которые читаешь в Тбилиси: на умину сюда нельзя вынуть из за распавшихся преступников; за «лихими» кавказской национальностью идет настоящая охота. Мы очень боимся, когда ехали в Москву: однако здесь оказалось совсем не страшно...

Не все страшно и в Тбилиси. Конечно, не хватает продуктов. Купили — обесценились: на валюту зарплату после дождя угоняешь и просят: можно ли не больше дух изогнать мои картофеля. Но люди как-то учудаются выживать.

— Человек всегда найдет способ выжить, но как нам удалось выжить столько времени?

— Мы строили декорации из старых материалов, перешивали костюмы. Это вошло в нашу эстетку: зрители должны поверить, что перед ними — белая бранныя труппа, иррациал спектакль и жизни бедняков...

— Роберт Робертович, раньше, когда мы жили в одной стране, театр в грузинской, русский, украинский, армянский — существовал под единой ирровой. Шел песенный обмен, ирровой, театральными мейами, постановочными приемами, оценками. Явля театр приехал в Москву, москвичи — в Тбилиси... Сейчас все это прекратилось. Снизилось ли это на театр, культуру Грузии?

— Раньше мы смотрели спектакли коллег из других республик и, радуясь чужим находкам, намечали путь, который могли продолжать и мы... Если раньше театральные зрители слонялись в апрель, утрате будет действительно немощными.

— Как сейчас живете молодые актеры?

— Наши молодые актеры жи-

вут в основном за счет родителей. Хотя, если бы деньги ценились, они были бы вполне обеспеченными людьми: получают они в среднем на одну десятую ирмше, чем я. Когда я выполнял такой порядок, это были неплохие деньги, но сейчас на них практически ничего невозможно купить. Что же, зато в последние время спонсировать у нас выступили пять молодых режиссеров, наша актерская молодежь получила в них главные роли... В какой-то степени это восполняет те экономические трудности, которые они испытывают.

— А что хочет видеть наш сегоднешний зритель: немедленно толгую или мелодраму?

— Он хочет, чтобы театр был с ним разговор о проблемах более общих, чем те, с которыми он сталкивается в жизни, чтобы спектакль его вдохновлял, чтобы в нем не было симулированной конъюнктуры... И я думаю, что наиболее точно духу сегоднешнего времени отвечает трагикомедия.

Мы жили в зоопарке и, когда нас выгнали из клеток, обнаружив, что не знаем, как разговаривать свободой, что мы отчаяны латис, хотитесь, жить в ладу с соседями и собой. Впрочем, поладать друг друга мы умели, и большинство из нас немедленно приступило к этому нехитрому делу. Я из четыре москля уезжал в Турцию ставить спектакли. До моего отъезда в городе стреляли каждую ночь. Когда я вернулся, этого уже не было, и первые две ночи я не мог заснуть, не слыша привычного звукового фона... Вспоминаю об этом, я хочу и смеяться, и плакать.

Радует, что сейчас люди начинают понимать — в конечном счете все зависит от них самих. Они сами должны позаботиться о еде и тепле для своих близких. Поэтому они и закрывают глаза на то, что происходит вокруг: гражданский мир и дорожки всего остального. Парла-

мент заседает без конца, беспрепятственная болтовня идет уже в течение года, политическая борьба вылилась в открытую грязью за власть... А народ давно начал уходить от рутины, от заимствования своих законов. Сейчас уже становится понятно, что страна не может жить одна. Обидно, что к этому мы пришли через такие огромные жертвы, через гибель немалого народа, через гибель лучших из наших молодых людей. Я вижу, как поредела дружба моих детей — из десяти в душевные случаи остались три... Страшно, что в будущем их просто забудут, что жертва, которую они принесли, оказалась глупой.

Меня не оставляет чувство того, что по отношению к нам Господь допустил грандиозную историческую несправедливость. И я начинаю понимать, что есть вещи, которые надо принимать априори. Сперва меня удивляло, что Россия встала на сторону Абхазии, но потом я стал думать, что это часть какого-то разворачивающегося по своим законам процесса, вину за который нельзя перекладывать ни на конкретные личности, ни на народ. Это очень тяжело: ощущать себя песчинкой, втанутой в колесо истории...

Я неслыхательно своего народа, но не думаю, что Гамсбургская удача нас выпустит из бутылки длинная толпа, загнать которого обратно будет невозможно.

— Роберт Робертович, а вспоминаете старый Тбилиси — замечательный, ухоженный город, где все друг друга знали и все по-чужому по-свойскому? Как же эта жизнь могла извернуться?

— Значит, семья разрушения было посеяно уже тогда. В нашем спектакле «Счастье Ирины» мы говорим о возникновении зла. Борьба между добром и злом идет в душах даже очень хороших людей, и зло нашего притягательнее. Для добра надо чем-то жертвовать — даже для того, чтобы извиниться перед мамой, нужно себя пересилить... Зло же не знает комплексов и сомнений.

Я никогда не ощущал стабильности в жизни грузин, но Ташкентская удача превратила их в толпу. Способы были чисто большевистскими: один на плати, другим — обещая высокие посты; тем, кто приходил на митинги, бесплатно раздавали сахар... Сторонники бывшего президента добивались и до худомственной интеллигенции: составлялись какие-то списки, хотили слухи о возможных арестах запереть на профессию... Испуганные власти не выдержали и многие из людей театра: среди тех, кто участвовал во всем вышеперечисленном, была актриса, а «Меловом круге» играла Грета Вачадзе.

— И последний вопрос — какой вы увидели сегоднешнюю Москву?

— Она очень изменилась. Москвичи стали добрее и вежливее, а мне чувствуется какое-то странное спокойствие и сосредоточенность. Многие напоминают Варшаву во время «шоковой терапии»: лавки завалены тоарами; лавки тронуты фруктами. Москва сейчас была самым уютным городом, а сейчас ее лицо проявляется, на мой взгляд, более четко. Оно и интернациональное, и в то же время более русское, чем прежде. В общем, у меня есть ощущение, что у нас все идет и лучше. Люди на улицах очень благожелательны, когда ты уходишь, что-то спрашивают, тебе улыбаются в советские времена в Москве этого и в поине не было...

...А может быть, дело в том, что москвичи просто соскучились по нормальным грузинам? Беседу вел Алексей Филиппов.